

Джош Малерман

ПТИЧИИ КОРОБ

Не вижу зла...

Джош Малерман

Птичий короб

Серия «Best book ever»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24723939

Малерман, Джош. Птичий короб : [роман] : АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-085264-2

Аннотация

Оно ждет тебя за порогом. Оно... нечто ужасное, нечто такое, что ни в коем случае нельзя разглядывать. Потому что один лишь взгляд на это существо? устройство? человека? грозит безумием и гибелью.

Человечество перестало существовать. Горстка выживших прячется в заброшенных домах с заколоченными окнами, не решаясь выйти наружу. Мэлани, мать-одиночка с двумя детьми, решается наконец бежать из своего дома-тюрьмы – бежать туда, где, по слухам, еще есть люди, туда, где безопасно. Ей предстоит ужасное испытание: двадцать миль вниз по реке в ненадежной лодке, с завязанными глазами, полагаясь лишь на острый слух ее малышей. Четырехлетних детей, которые росли и учились различать звуки в темноте маленьких душевных комнат. Одно неверное движение – и они обречены. Кто-то ходит рядом, кто-то постоянно следит за ними – обычное животное или монстр?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	46
Глава 8	59
Глава 9	68
Глава 10	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Джош Малерман

Птичий короб

Josh Malerman

BIRD BOX

Печатается с разрешения автора и литературных агентств

Nelson Literary Agency, LLC и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

© Josh Malerman, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Мэлори стоит на кухне и размышляет. Руки мокрые. Она дрожит. Носком нервно стучит по растрескавшейся плитке на полу. Еще очень рано, солнце, наверное, только выглянуло из-за горизонта. Слабый свет разбавляет черноту штор. «Туман же был», – думает Мэлори.

Дальше по коридору, под мелкой проволочной сеткой, накрытой черной тканью, спят дети. Они наверняка слышали, как несколько минут назад Мэлори ползала на коленях по двору. Микрофоны ловят каждый шорох, передают на усилители у кроватей.

Руки чуть поблескивают в пламени свечи – мокрые, утренняя роса еще не высохла. Мэлори делает глубокий вдох и задувает свечу. Оглядывает кухню, подмечая ржавые кастрюли и треснутые тарелки. Вот коробка, которая служит мусорным ведром. Вот стулья, многие держатся только благодаря веревке. Стены грязные, со следами детских рук и ног. Есть и старые пятна. Снизу стены выгорели, багровый цвет от времени побурел. Багровый – это пятна крови. Ковер в гостиной тоже выцветает, хоть Мэлори за ним и ухаживает. Чистящих средств в доме не осталось. Давным-давно Мэлори наполняла ведра водой из колодца и оттирала пятна по всему дому. Пятна не поддавались, даже самые бледные: посветлели, но полностью не свелись. Коробка со свечами пря-

чет пятно в прихожей. Диван в гостиной повернут под нелепым углом. Его придвинули туда, чтобы замаскировать два подтека, напоминающие Мэлори волчьи головы. На втором этаже стопка заплесневевших половиков скрывает багровые царапины, вьевшиеся в основание стены у чердачной лестницы. Еще через десять футов самое темное пятно в доме. Мэлори не в силах перешагнуть через него и той частью второго этажа почти не пользуется.

Когда-то и сам дом, и район Детройта, в котором он находится, считались хорошими. Когда-то дом называли семейным гнездом, уютным и безопасным. Еще десять лет назад любой риелтор с гордостью показывал бы такой. Сейчас окна закрыты картоном и досками. Водопровод не работает. У кухонного стола – большое деревянное ведро. Пахнет из него тухлятиной. У детей нет нормальных игрушек. Вместо кукол обструганные ножки деревянного стула с нарисованными лицами. В шкафах пусто. На стенах нет картин. Провода тянутся из-под двери черного хода к комнатам первого этажа, там есть усилители, извещающие Мэлори и детей о любом звуке извне. Так они втроем и живут. Из дома надолго не выбираются, во время коротких вылазок закрывают глаза повязками. Дети никогда не видели внешний мир даже через окна. Мэлори не видела его четыре с лишним года. Четыре года!

Не обязательно принимать решение сегодня. В Мичигане октябрь. Детям будет тяжело проплыть двадцать миль по ре-

ке. Они еще маленькие. А если один из них случайно упадет в воду? Что тогда делать Мэлори, с закрытыми-то глазами?

«Несчастный случай – доля ужасная, – думает Мэлори. – После долгой борьбы за выживание глупо становиться жертвой несчастного случая».

Она смотрит на шторы и начинает плакать. Хочется накричать на кого-нибудь. Хочется кому-нибудь пожаловаться. «Это несправедливо! – посетовала бы она. – Это жестоко».

Мэлори оглядывается на порог кухни, на коридор, ведущий в детскую. За дверным проемом без двери крепко спят дети. Они накрыты черной тканью, спрятаны даже от света. Не шевелятся, не показывают, что проснулись. А ведь, может, они ее слушают. Сколько на них ответственности, сколько нагрузок на маленькие уши! Порой Мэлори кажется, что дети слышат, как она думает.

Можно дождаться солнца, тепла, лучших условий для поездки. Можно поговорить с детьми и выслушать их. Они сумеют подать ценные идеи. Четырехлетки, а слушать научились. Они с лодкой подсобят, грести-то придется вслепую. Без них Мэлори по реке не сплавиться. Ей нужны их уши. Можно положиться на совет детей? Способны четырехлетки подсказать, когда лучше навсегда уйти из дома?

Мэлори тяжело опускается на кухонный стул и борется со слезами. Босой ногой она отбивает такт по линялому линолеуму, потом медленно поднимает голову: вон лестница, ведущая на чердак. Однажды она говорила там с мужчи-

ной по имени Том о мужчине по имени Дон. Вот раковина: к ней Дон однажды принес ведра колодезной воды. Он дрожал от страха, выйдя из дома. Если чуть податься вперед, видна прихожая, где Шерил когда-то готовила корм для птиц. Между ней и входной дверью – гостиная, где слишком много разных воспоминаний о разных людях.

«Четыре года», – думает Мэлори и едва не стучит кулаком по стене. Четыре года незаметно перерастут в восемь, восемь – в двенадцать. Потом дети станут взрослыми. Взрослыми, которые никогда не видели небо. Которые никогда не смотрели в окно. Что станет с их разумом, если двенадцать лет растить их, как телят? Есть ли смысл их так растить? Есть ли смысл жить людям, которым небо – фантастика, а безопасно лишь дома, с плотной повязкой на глазах?

Мэлори тяжело сглатывает и представляет, как будет растить детей одна, пока они не станут подростками.

А она сумеет? Сумеет защищать их еще десять лет? Сумеет направлять и оберегать их, чтобы со временем они оберегали ее? Только ради чего? Ради какой жизни она их бережет?

«Ты плохая мать», – думает Мэлори.

Плохая, потому что не показала им бескрайнее небо. Потому что не дала им шанса свободно бегать по двору, по улице, по району с его пустыми домами и обшарпанными автостоянками. Потому что не позволила им хоть раз увидеть ночь, в волшебный момент, когда ее озаряют звезды.

«Ты бережешь детей для жизни, которую не стоит жить».

Сквозь слезы Мэлори замечает, что за шторами еще немного посветлело. Наверно, там туман, и он очень скоро рассеется. Если рассчитывать, что туман поможет, укроет их по пути к реке, по пути к лодке, то детей нужно будить сейчас.

Мэлори стучит кулаком по столу и вытирает слезы.

Из кухни она коридором идет в детскую.

– Мальчик! – кричит она. – Девочка! Вставайте!

В детской темно. Единственное окно завешено одеялами. Их столько, что даже когда солнце в зените, в комнату его лучи не проникают. У каждой стены по матрасу, над ними черные купола. Когда-то сетка, которая удерживает ткань, ограживала садик у колодца за домом. Последние четыре года она служит броней и защищает детей не от того, что может увидеть их, а от того, что могут увидеть они. Мэлори опускается на колени, чтобы ослабить провод, прикрепленный к гвоздям на двери детской, и слышит шорох. Лица у детей сонные, удивленные, но Мэлори уже достает из кармана повязки.

– Мама?

– Скорее вставайте! Мама торопится.

Дети не мешкают. Никаких капризов и слез.

– Куда мы идем? – спрашивает Девочка.

– Надевай! – велит Мэлори, протягивая ей повязку. – Мы идем к реке.

Оба плотно прикладывают черную ткань к глазам и завязывают концы. Оба в этом деле мастера, эксперты, если четырехлетки бывают в чем-то экспертами. У Мэлори сердце разрывается. Они только дети. Где же любопытство, где бесконечные «зачем» и «почему»? Почему они уходят из дома сегодня? Почему к реке, которую они прежде не видели?

Никаких вопросов. Дети безропотно слушаются.

Сама Мэлори повязку пока не надевает. Сперва нужно собрать детей.

– Возьми свой пазл, – говорит она Девочке. – Оба возьмите одеяла.

Волнение Мэлори необъяснимо и очень напоминает истерику. Мэлори бродит по комнатам, собирает вещи, которые могут им понадобиться. Она вдруг чувствует себя совершенно неготовой, страшно уязвимой, слово дом и земля исчезли, оставив ее наедине с внешним миром. В море паники не дает утонуть одна-единственная мысль. Повязки! Что бы она ни взяла с собой, что бы из вещей ни сделала оружием, самая надежная защита – это повязки.

– Возьмите одеяла! – напоминает Мэлори детям, слышит, как они собираются, и возвращается к ним, чтобы помочь.

Мальчик для своего возраста мелковат, зато вынослив, чем Мэлори очень гордится. Он решает, которую из двух рубашек надеть. Обе очень велики ему. Когда-то их носил взрослый мужчина, которого давно нет в живых. Она сама выбирает рубашку и смотрит, как темная макушка Мальчика

ныряет в горловину, потом выныривает наружу. Даже среди кутерьмы Мэлори подмечает, что за последнее время Мальчик вырос.

Девочка, для своих лет средненькая, натягивает через голову платье, которое они с Мэлори сшили из старой простыни.

– Девочка, на улице холодно, – говорит Мэлори. – В платье ты замерзнешь.

Девочка хмурится. Белокурые волосы взерошены: она ведь недавно проснулась.

– Мама, я и брючки надену. Еще мы берем одеяла.

Мэлори сердится. Споры ей не нужны. Только не сегодня. Хоть Девочка и права.

– Сегодня ты платье не наденешь.

Внешний мир с пустыми моллами и ресторанами, с брошенными машинами, с ненужным товаром на пыльных прилавках давит на дом, шепчет, напоминая об участии его обитателей.

Мэлори забирает куртку из спальни, которая чуть дальше детской по коридору. Выходит из комнаты, понимая, что порог ее больше не переступит.

– Мама, велосипедные звонки брать? – спрашивает Девочка.

Мэлори делает глубокий вдох и отвечает:

– Нет, мы будем вместе от начала до конца путешествия.

Девочка возвращается в детскую, а Мэлори думает о ве-

лозвонках, любимом развлечении своих малышей. Жалкое развлечение. Со звонками они играют не первый год, чуть ли не с рождения звонят и гудят на весь дом. Мэлори, бывало, злилась, но звонки не отнимала и не прятала. Даже в первые, мучительные дни материнства – никогда. Мэлори всегда понимала: при такой жизни все, что веселит детей, – благо.

Даже когда звонки пугали Виктора.

Как же Мэлори не хватает этого пса! Свыкаясь с ролью матери-одиночки, она частенько представляла, что отправится по реке вместе с Виктором, что бордер-колли будет сидеть в лодке рядом с ней. Подкрадись зверь, Виктор залаял бы, а то и спугнул бы незваного гостя.

– Ну вот, – объявляет Мэлори, снова появляясь в дверях детской. – Мы готовы. Пора идти.

Не раз и не два, безмятежными полуднями и бурными вечерами, Мэлори предупреждала, что этот день наступит. Да, она уже говорила с детьми о реке, о путешествии. Побегом она не называла его намеренно: нельзя, чтобы дети росли с мыслью, что нужно от чего-то бежать. Нет, она предупреждала, что однажды утром разбудит их, попросит быстро собраться и они навсегда уйдут из дома. Разумеется, они слышали неуверенность в ее голосе, как слышат паука, крадущегося по завешенному окну. Годами она держала в буфете мешок с едой, а когда съестное портилось, неизменно заменяла свежим. Мэлори считала это наглядным, вещественным доказательством того, что она не сказки рассказывает,

что однажды они действительно оправятся в путь. «Видите, – говорила она, опасливо поправляя одеяла на окнах, – еда в буфете. Это часть нашего плана».

И вот этот день пришел. Утро настало. Час пробил. Туман сгустился.

Мальчик и Девочка подходят к ней. Мэлори опускается на колени и проверяет повязки: вроде сидят плотно. Именно в этот момент, глядя то на одно личико, то на другое, Мэлори понимает, что путешествие наконец началось.

– Послушайте! – говорит она, хватая детей за подбородки. – Сегодня мы отправляемся в путешествие по реке. Может, оно получится долгим. Очень важно, чтобы вы оба меня беспрекословно слушались. Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

– На реке холодно. У вас есть одеяла. У вас есть повязки. Сегодня вам больше ничего не нужно. Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

– Повязки не снимать ни в коем случае. Если снимете, я вас накажу. Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

– Вы должны слушать. Вы оба должны слушать очень-очень внимательно. На реке вы должны слушать не только плеск воды и шум деревьев в лесу. Если услышите зверя в ле-

су, немедленно скажите мне. Если услышите что-то необычное в воде, немедленно скажите мне. Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

– Не задавайте вопросов, которые не связаны с рекой. Ты, – она касается плеча Мальчика, – сядешь впереди. А ты, – она касается плеча Девочки, – сзади. Когда спустимся к лодке, я посажу вас как нужно. Сама я сяду посередине и буду грести. В лодке никаких разговоров, только если услышите что-то в лесу или в воде. Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

– Мы не остановимся ни за что. Лишь когда доберемся до места. Я сама вам об этом скажу. Если проголодаетесь, ешьте из этого мешка. – Мэлори прижимает мешок с едой к их ладошкам. – Не засыпайте, ни в коем случае не засыпайте. Сегодня ваши уши нужны мне, как никогда.

– А микрофоны мы возьмем? – спрашивает Девочка.

– Нет.

Мэлори переводит взгляд с одного закрытого повязкой личика на другое.

– Мы пойдем по тропе к колодцу, держась за руки. В лесу, сразу за нашим домом, есть полянка. Тропа к реке заросла. Держась за руки, идти, может, и не получится. Если так, цепляйтесь за мою куртку или за куртки друг друга. Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

Она их напугала?

– Послушайте, сегодня мы отправимся туда, где вы никогда не были. Мы уйдем от дома дальше, чем вы прежде уходили. На улице есть те, кто обидит вас и вашу маму, если послушаетесь меня.

Дети молчат.

– Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

Мэлори хорошо их подготовила.

– Нам пора, – объявляет она и слышит в своем голосе исторические нотки. – Нам пора идти. Пора!

Мэлори касается лбом детских головок, берет Мальчика и Девочку за руки и быстро ведет на кухню. Там вытирает слезы и, дрожа, вытаскивает из кармана свою повязку, плотно прикладывает ее к глазам и завязывает поверх длинных темных волос. Замирает она, уже коснувшись дверной ручки. За дверью дорожка, которой Мэлори бесчисленное множество раз ходила к колодцу.

Сейчас она уйдет из дома навсегда. Близость этого момента ошеломляет Мэлори.

Когда она распахивает дверь, в лицо веет свежий ветер. Мэлори делает шаг вперед, а в голове все путается от страха. Такие мысли при детях озвучивать нельзя. Язык заплетается, Мэлори едва не срывается на крик:

– Держите меня за руки, оба!

Мальчик берет ее за левую руку, Девочка сжимает крошечными пальчиками правую.

В повязках, они втроем выходят за порог.

Колодец в двадцати ярдах от дома. Тропка выложена деревяшками, бывшими багетами. Мальчик и Девочка ходили по ним босиком бесчисленное множество раз.

Однажды Мэлори сказала им, что колодезная вода – единственное лекарство, которое им понадобится в жизни. Поэтому дети уважают колодец. Они никогда не жаловались, что приходится носить воду вместе с матерью.

Они уже у колодца. Неровная земля под ногами кажется неестественно мягкой.

– Вон наша поляна, – объявляет Мэлори.

Она осторожно ведет детей. Вторая тропка начинается в десяти ярдах от колодца – узкая, она рассекает лес. До реки отсюда менее ста ярдов. В лесу Мэлори сразу отпускает руки детей, на ощупь отыскивает тропку.

– Держитесь за мою куртку!

Мэлори ощупывает ветки, пока не находит топик, три года назад привязанный к дереву у начала тропки. Мальчик цепляется за карман куртки Мэлори, а Девочка, похоже, за него. Мэлори то и дело окликает детей, спрашивает, держатся ли они друг за друга. Ветки царапают лицо, но она молча терпит.

Вскоре они добираются до указателя, который Мэлори

вонзила в землю. Расколовшаяся ножка кухонного стула торчит из центра тропки специально для такого случая: дойди, споткнись, опознай.

Лодку Мэлори нашла четыре года назад, привязанной в пяти домах от своего. В последний раз она видела ее в прошлом месяце, но надеется, что лодку не тронули. О худшем и думать боится. А если до лодки добрался кто-то другой? Другая женщина, вроде самой Мэлори, которая живет в пяти домах от нее и четыре года набиралась храбрости, чтобы сбежать? Однажды та женщина доползла сюда, на скользкий глинистый берег, и нащупала шанс спастись – стальной нос лодки.

Холодный воздух царапает Мэлори лицо. Дети не капризничают.

«Это не детство», – думает Мэлори, спускаясь с ними к реке.

Тут она улавливает заветный шорох. Еще не добравшись до причала, слышит, как вода плещется о борта лодки. Мэлори останавливается, проверяет повязки на детях и затягивает потуже. Ведет детей на мостки.

«Лодка до сих пор здесь», – думает Мэлори. Совсем как машины, до сих пор припаркованные у дома. Совсем как пустые дома, до сих пор стоящие на улице.

Здесь холоднее, чем в лесу, холоднее, чем дома. Плеск воды и страшит, и ободряет. Мэлори встает на колени там, где должна быть лодка, отпускает ладошки детей и ищет сталь-

ной нос. Ее пальцы нащупывают веревку, что удерживает лодку у причала.

– Мальчик! – зовет Мэлори, подтягивая лодку к мосткам. – Садись вперед, давай! – Она устраивает сына, потом касается ладонями его щек и повторяет: – Слушай! Слушай не только воду! Слушай!

Девочке Мэлори велит стоять на мостках, а сама вслепую развязывает веревку и устраивается на средней скамье. Потом помогает Девочке влезть в лодку. Лодка раскачивается, Мэлори чересчур сильно сжимает руку Девочки. Малышка не вскрикивает.

В лодке листья, прутья, вода. Мэлори ощупью находит весла, которые укладывала по правому борту лодки. Весла холодные. Влажные. Пахнут плесенью. Мэлори вставляет их в металлические пазы. Весла крепкие, прочные. Одним веслом Мэлори отталкивается от причала. А потом...

Они плывут!

Вода спокойная. Но звуки есть. В лесу какое-то шевеление.

Мэлори думает о тумане и надеется, что он спрятал их, помог сбежать.

Но ведь туман рассеется.

– Дети, слушайте! – От волнения Мэлори едва не задыхается.

Целых четыре года она ждала, готовилась, собирала мужество, а теперь уплывает от причала, от берега, от дома, за-

щищавшего ее и детей, как ей кажется, всю жизнь.

Глава 2

До рождения детей девять месяцев. Мэлори с сестрой Шеннон снимают скромную квартирку, которую толком не привели в порядок. Вопреки беспокойству друзей, сестры съехались три месяца назад. Обе умны, общительны, но в компании друг друга теряют контроль над собой, как и получилось в день, когда занесли вещи в квартиру.

– Наверное, бульшую спальню лучше занять мне, – заявила Шеннон на лестничной площадке второго этажа. – У меня же комод больше.

– Да ладно тебе, – отозвалась Мэлори, держа ящик с нечитанными книгами. – В той комнате окно лучше.

Сестры долго спорили, причем обе боялись доказать правоту родных и близких, поругавшись в первый же день. В итоге Мэлори предложила подбросить монету. Выиграла Шеннон, но Мэлори решила, что сестрица смухлевала.

Сегодня и сейчас Мэлори не думает о сестрицыных штучках, которые ее бесят. Она не убирает за Шеннон носки и свитеры, которые та разбрасывает по коридору. Не закрывает за ней шкафы. Не давится злостью, не качает головой, когда возится со стиральной машиной или уносит коробку с вещами Шеннон из центра гостиной, где она мешает им обеим. Нет, сегодня и сейчас обнаженная Мэлори стоит в ванной первого этажа перед зеркалом и разглядывает свой жи-

вот.

«У тебя и раньше месячные задерживались», – утешает себя Мэлори. Утешение так себе: она беспокоилась уже несколько недель, зная, что Генри Мартин был недостаточно осторожен.

Черные волосы отросли до плеч. Уголки рта опускаются вниз – Мэлори любопытно. Она кладет руки на плоский живот и медленно кивает. Как себя ни уверяй, она *чувствует*, что беременна.

– Мэлори! – кричит из гостиной Шеннон. – Что ты там делаешь?

Мэлори не отвечает. Поворачивается боком и наклоняет голову. Неяркий свет ванной делает голубые глаза серыми. Мэлори ладонью касается розового линолеума у ванной и изгибает спину. Хочется сделать живот еще плосче и доказать: новой жизни в нем нет.

– Мэлори! – снова зовет Шеннон. – По телику опять сообщение. Что-то случилось на Аляске.

Мэлори слышит сестру, только внешний мир сейчас не слишком ее волнует.

Недавно Интернет взорвало сообщение, названное Русской Байкой. Дело было в Санкт-Петербурге. На заснеженном шоссе мужчина попросил своего друга, который вел грузовик, притормозить у обочины, оторвал ему губы, затем достал из кузова циркулярку и покончил с собой. Жуткая, но заурядная история разлетелась по Интернету и забылась. Но

вот поступило еще одно сообщение. Очередная трагедия с похожими обстоятельствами потрясла Якутск, удаленный от Санкт-Петербурга на три тысячи миль. Местная жительница, по всеобщему мнению нормальная, заживо закопала детей в огороде, а потом перерезала себе вены осколком тарелки. Третья трагедия разыгралась в Омске, почти в двух тысячах миль к юго-востоку от Санкт-Петербурга, и мгновенно стала одной из самых обсуждаемых во всех социальных сетях. На сей раз имелся видеоролик. Пока могла, Мэлори смотрела на мужчину с окровавленной бородой, пытавшегося топором зарубить невидимого ей оператора. В итоге бородач своего добился, но ту часть Мэлори не видела. Она не просила, только Шеннон, любительница мелодрам, рассказала ей, чем все закончилось.

– Аляска, – повторяет Шеннон из гостиной. – Мэлори, это уже Америка!

Белокурые волосы достались Шеннон от матери-финки. Мэлори же больше в отца – коренастая, с глубоко посаженными глазами и гладкой кожей северянки. Девушки выросли в Мичигане, на Верхнем полуострове, и мечтали перебраться на юг, к Детройту. Ведь там концерты, вечеринки, хорошая работа и мужчины, выбирай – не хочу. С последним пунктом у Мэлори не клеилось, пока она не встретила Генри Мартина.

– Черт подери! – орет Шеннон. – Похоже, и в Канаде что-то стряслось. Мэлори, дело серьезное. Эй, чем ты там заня-

та?

Мэлори открывает кран, мочит пальцы в холодной воде и брызгает на лицо. Смотрит в зеркало и думает о родителях, оставшихся на Верхнем полуострове. Они даже не слышали о Генри Мартине. После той единственной ночи она сама с ним не разговаривала. И на тебе, она связана с ним навеки.

Дверь ванной распахивается. Мэлори тянется за полотенцем.

– Боже, Шеннон!

– Мэлори, ты меня слышала? Эта история всюду. Теперь ее с глюками связывают. Странно, да? По Си-эн-эн сейчас сказали, глюки фигурируют в каждом из случаев. Мол, те люди что-то увидели, потом набросились на других, потом с собой покончили. Мэлор, ты веришь этому? Веришь?

Мэлори медленно поворачивается к сестре. На лице апатия.

– Эй, ты как себя чувствуешь? – спрашивает Шеннон. – Вид у тебя неважный.

Мэлори плачет и кусает нижнюю губу. Полотенце она взяла, а прикрыться не успела. Так и стоит перед зеркалом и разглядывает голый живот. Шеннон это замечает.

– Черт подери! – вырывается у Шеннон. – Ты боишься, что...

Мэлори кивает. В розовой ванной сестры обнимают друг друга. Шеннон гладит Мэлори по голове и утешает:

– Не будем гнать, ладно? Сперва тест сделай. Так ведь по-

лагается? Не бойся ты! У каждой второй результат отрицательный.

Вместо ответа Мэлори тяжело вздыхает.

– Ладно, пошли за тестом, – говорит Шеннон.

Глава 3

Каков предел человеческого слуха?

Мэлори не представляла, что вслепую грести так трудно. Сколько раз лодка врезалась в берег и застревала на несколько минут? Мэлори в это время казалось, что к повязкам на глазах у детей тянутся невидимые руки, что цепкие пальцы вылезают из воды, из прибрежного ила. Дети не кричали, даже не хныкали, они слишком терпеливы.

Так каков предел человеческого слуха?

Мальчик помогал освободить лодку – поднимался и толкал ее мшистый корпус. Мэлори снова работает веслами. Да, поначалу было непросто, но они движутся вперед. Успех вдохновляет. Солнце взошло, на деревьях поют птицы. В густых лесах вдоль реки рыщут звери. Рыба выпрыгивает из воды, плещется, действуя Мэлори на нервы. Все это им слышно. Не видно ровным счетом ничего.

Стараниями Мэлори звуки леса знакомы детям с рождения. Еще когда они были младенцами, она завязывала им глаза футболкой и выносила на лесную опушку. Там Мэлори описывала Мальчику и Девочке звуки леса, прекрасно зная, что дети слишком малы, чтобы ее понять.

«Это листья шелестят, – объясняла она. – А это возится зверек, наверное, кролик». Она всегда понимала, что за шелестом и возней может скрываться что-то страшное. Страш-

нее любого зверя, даже медведя. В ту пору и потом, когда дети начали понимать объяснения, Мэлори училась вместе с ними. Только ее слух уже не станет таким острым, как у Мальчика и Девочки. Отличать стук дождя в окно от стука пальцев она училась в двадцать четыре. Мэлори в детстве учили воспринимать мир глазами. Это минус для нее, как для учителя? Она правильно делает, что приносит листья домой, мнет их то руками, то ногами и велит детям вслепую различать звуки?

Каков предел человеческого слуха?

Мальчик любит рыбок. Как-то Мэлори нашла на чердаке зонт, смастерила из него удочку и поймала в реке рыбу. Мальчику нравилось смотреть, как рыбки плещутся в ведре, которое поставили на кухне. Ему и рисовать их нравилось. Мэлори тогда подумала, что придется ловить всех зверюшек на свете и таскать домой – иначе дети их не увидят. Если бы увидели, кто еще им понравился бы? Девочка полюбила бы лис? А енотов? Даже машины стали для ее детей сказкой, иллюстрированной неумелыми рисунками Мэлори. То же самое со звездами, улицами, домами, магазинами, садами, кустами, сапогами... Целый мир придется воссоздать! Пока были только рыбки. Мальчик их полюбил.

Сейчас Мэлори страшится каждого плеска. Вдруг Мальчик из любопытства снимет повязку?

Так каков предел человеческого слуха?

Нужно, чтобы дети *вслушивались* в деревья, в берега, в ве-

тер, за которыми целый мир, полный живых существ. «Река – наш амфитеатр», – думает Мэлори, работая веслами.

Еще это могила.

Детям *необходимо* слушать.

Мэлори не в силах отогнать видения. Ей чудятся руки, которые из мрака тянутся к детским головкам и намеренно ослабляют их единственную защиту.

Мэлори вспотела и тяжело дышит. Она молится, чтобы человеческого слуха хватило для самосохранения.

Глава 4

Машину ведет Мэлори. Сестры взяли ее «форд-фестиву» 1999 года выпуска, потому что в нем больше бензина. Они лишь в трех милях от дома, а признаки перемен уже налицо.

– Смотри! – Шеннон показывает на отдельные дома. – Окна завесили одеялами.

Мэлори старается слушать Шеннон, только мысли упорно возвращаются к собственному чреву. Истерия СМИ вокруг Русских Баяк ее тревожит, но она относится к ним не так серьезно, как Шеннон. Скептиков вроде Мэлори в Сети немало. В блогах, которые она читает, большей частью в «Придурках», выкладывают фотографии людей, принимающих меры предосторожности, потом сдобривают их смешными комментариями. Шеннон то тычет пальцами в окна, то закрывает глаза рукой, и Мэлори вспоминается фотография из «Придурков». На ней женщина завешивала окно одеялом. Ниже шел комментарий: «Милый, давай кровать сюда передвинем! Что скажешь?»

– Верить Русским Байкам? – спрашивает Шеннон.

Мэлори молча кивает и поворачивает влево.

– Ну, признай, – просит Шеннон. – Похоже, дело принимает интересный оборот.

Отчасти Мэлори согласна. Дела и впрямь интересные. Мужчина и женщина идут по тротуару, прижав газеты к вис-

кам. Кое-кто едет, подняв зеркала заднего вида. «Что это доказывает? – рассеянно гадает Мэлори. – Люди начинают верить, что случилась беда? Если так, какая именно?»

– Не понимаю, – заявляет Мэлори, отчасти из желания отвлечься, отчасти потому, что заинтересовалась.

– Чего не понимаешь?

– Почему люди боятся смотреть? Ну, по сторонам?

– Да, – кивает Шеннон. – Именно этого все и боятся. Я тебе говорила.

«Шеннон вечно драматизирует», – думает Мэлори.

– Звучит дико, – говорит она. – Только взгляни на того типа!

Шеннон смотрит, куда показывает ей сестра, потом отворачивается. Мужчина в деловом костюме идет с тростью, как слепой. Глаза у него закрыты.

– Им даже не стыдно так себя вести, – говорит Шеннон, глядя себе на ноги. – Вот до чего все запущено.

У аптеки «Стокли» Шеннон закрывает глаза рукой, словно от солнца. Мэлори замечает это и обводит взглядом стоянку. Другие ведут себя так же, как Шеннон.

– Что ты боишься увидеть? – спрашивает она.

– Этого пока никто не знает.

Желтая вывеска аптеки, которую Мэлори видела тысячи раз, выглядит ужасно непривлекательной.

«Ну, пошли покупать первый тест на беременность», – думает Мэлори, выбираясь из машины.

Сестры идут через стоянку к аптеке.

– Тесты, наверное, рядом с лекарствами, – шепчет Шеннон и распахивает дверь, по-прежнему прикрывая глаза рукой.

– Шеннон, прекрати!

Мэлори первой направляется в отдел планирования семьи. На полках «Фест респонс», «Клирблю изи», «Нью чойс» и еще шесть марок.

– Их так много! – сетует Шеннон, взяв коробочку с полки. – Презервативами теперь не пользуются?

– Какой мне брат?

Шеннон пожимает плечами.

– Не знаю. Например, вот этот.

В конце ряда мужчина вскрывает упаковку марлевых повязок и прикрывает одной глаз.

Сестры несут тест на кассу, где сегодня работает Эндрю. Он ровесник Шеннон и однажды приглашал ее на свидание. Мэлори хочется поскорее с этим покончить.

– О-па! – восклицает Эндрю, сканируя коробочку.

– Заткнись, Эндрю! – восклицает Шеннон. – Это для нашей собаки.

– У вас собака появилась?

– Ага, – отвечает Шеннон и забирает пакет, в который он положил тест. – По ней все кобели района сохнут.

Поездка домой – сушая пытка для Мэлори. Полиэтиленовый пакет между сиденьями красноречиво говорит, что ее

жизнь уже изменилась.

– Смотри! – Шеннон показывает в окно рукой, которой только что прикрывала глаза.

Сестры медленно подъезжают к стоп-сигналу. У дома на углу женщина забралась на невысокую стремянку и приближает одеяло к эркерному окну.

– Приедем домой, сделаю то же самое, – обещает Шеннон.

– Шеннон!

На улице, где стоит их дом, обычно много соседских детей, а сейчас пусто. Нет ни синего трехколесного велосипеда, ни бейсбольных бит.

Дома Мэлори сразу направляется в ванную, Шеннон – к телевизору.

– На тест надо попи́сать! – кричит Шеннон.

Новости Мэлори слышит и в ванной.

Когда сестра туда заглядывает, Мэлори смотрит на розовую полоску и качает головой.

– О боже! – вырывается у Шеннон.

– Нужно позвонить маме с папой, – говорит Мэлори. Она заранее собирается с духом, понимая, что оставит ребенка, хотя ни мужа, ни бойфренда у нее нет.

– Позвони-ка ты лучше Генри Мартину, – заявляет Шеннон.

Мэлори бросает взгляд на Шеннон. Она с самого начала знала: Генри Мартин не поможет ей растить ребенка. В какой-то мере она уже с этим смирилась. Шеннон ведет сестру

в гостиную, где перед телевизором стоят коробки с вещами. На телеэкране похоронная процессия. Ведущие Си-эн-эн ее обсуждают. Шеннон подходит к телевизору и убавляет громкость. Мэлори садится на диван и с сотового звонит Генри Мартину.

Он не отвечает, и Мэлори отправляет эсэмэску: «Есть серьезный разговор. Срочно перезвони мне».

Вдруг Шеннон соскакивает с дивана и кричит:

– Мэлори, ты это видела? Инцидент в Мичигане! По-моему, говорили про Верхний полуостров!

На первый план тотчас выходят мысли о родителях. Шеннон увеличивает громкость, и сестры слушают, как пожилых супругов из Айрон-маунтин нашли повешенными в окрестном лесу. Ведущий говорит, что они повесились на ремнях.

Мэлори звонит матери. Та отвечает после второго гудка.

– Мэлори!

– Мама!

– Ты из-за новостей звонишь?

– Нет. Мама, я беременна.

– Боже, Мэлори! – На миг мама замолкает, и Мэлори слышит ее телевизор. – У тебя с кем-то серьезные отношения?

– Нет, все случайно вышло.

Шеннон встала перед телевизором. Глаза у нее круглые-круглые. Она показывает на экран, словно напоминая, что дело очень важное. Мама молчит.

– Мама, ты как, ничего?

– Доченька, сейчас я больше о тебе тревожусь.

– Да уж, не вовремя я.

– На каком ты сроке?

– Недель пять-шесть.

– Оставишь ребенка? Ты уже решила?

– Да. То есть я сама только что узнала. Буквально минуту назад. Но да, я его оставлю.

– Отец ребенка в курсе?

– Я эсэмэску ему сбросила и собираюсь позвонить. – Теперь паузу делает Мэлори, а потом продолжает: – Мама, у вас там безопасно? Спокойно?

– Не знаю, доченька. Этого никто не знает. Нам очень страшно, но сейчас я больше беспокоюсь о тебе.

Тележурналистка на схеме показывает, что якобы произошло, проводит линию от проселочной дороги, где супруги бросили свой автомобиль. Мать Мэлори вроде бы знакома со знакомыми погибших. Их фамилия Микконен. Тележурналистка стоит на окровавленной траве.

– Господи! – восклицает Шеннон.

– Жаль, отца дома нет, – сетует мать. – Ты беременна...
Ох, Мэлори!

Шеннон хватает трубку и спрашивает у матери подробности. В новостях о чем-то умалчивают? Что говорят местные? Случай Микконен единичный? Как насчет мер предосторожности?

Пока Шеннон трещит по телефону, Мэлори встает с ди-

вана и распаивает входную дверь. «Дело и впрямь серьезное?» – гадают она, оглядывая улицу.

Во дворах пусто. В окнах соседних домов не мелькают лица. Мимо проезжает машина, но Мэлори не видит лица водителя. Он заслоняется рукой.

На траве у парадной двери валяется утренняя газета. Мэлори поднимает ее. Передовицу посвятили растущему числу инцидентов. Заголовок короткий: «Опять!» Шеннон наверняка уже рассказывала обо всем, что там написано. Мэлори листает газету, и на последней странице взгляд за что-то цепляется.

Там объявление. Некий дом в Ривербридже открывает двери для всех желающих. Дом называют безопасным местом. Пристанищем. С каждым днем новости все страшнее, вот хозяева и хотят видеть дом убежищем.

Мэлори, впервые почувствовав холодок паники, снова оглядывает улицу. У соседей дверь открывается и тотчас закрывается. Руки механически сжимают газету – Мэлори поворачивается к своему дому, где по-прежнему орет телевизор. В окно видно, как Шеннон стоит в гостиной, у дальней стены и прибавляет одеяло к окну.

– Заходи скорее! – велит Шеннон. – И дверь закрой.

Глава 5

До рождения детей шесть месяцев. У Мэлори заметен живот. Все окна в доме закрыты одеялами. Входную дверь никогда не оставляют распахнутой и незапертой. Сообщения о необъяснимых событиях передают с пугающей частотой. Прежде они считались сенсацией и появлялись дважды в неделю, а сейчас – ежедневно. По телевизору крутят интервью с госчиновниками. Сообщения приходят даже из Мэна и Флориды, поэтому меры предосторожности соблюдают теперь обе сестры. Шеннон ежедневно читает десятки блогов и боится всего, что пишут. Мэлори не знает, чему верить. Новые истории появляются в Интернете ежечасно. Это единственная тема, которая обсуждается и в социальных сетях, и на новостных лентах. Этой теме целиком отданы новые веб-сайты. На одном вывесили карту мира и красными рожицами метят города, в которых зафиксированы происшествия. В последний раз Мэлори видела триста с лишним рожиц. В Сети происшествия называют Проблемой. Многие обыватели верят: Проблема, в чем бы она ни заключалась, начинается с того, что человек *видит* какую-то невидаль.

Мэлори до последнего отказывалась в это верить. Сестры постоянно спорили. Мэлори перечисляла сайты, где высмеивали массовую истерию, Шеннон – остальные. Однако вскоре Мэлори уступила: авторы ее любимых блогов стали пуб-

ликовать истории о своих близких и в итоге признались, что тоже тревожатся.

«Ну вот, даже скептики дрогнули», – подумала тогда Мэлори.

Ей казалось, что она живет двойной жизнью. Сестры больше не выбирались из дома. Обе проверяли, закрыты ли окна. Обе смотрели Си-эн-эн, Эм-эс-эн-би-си и «Фокс», пока от повторяющихся сюжетов не начинало воротить. Шеннон день ото дня становилась серьезнее, а Мэлори лелеяла надежду, что Проблема исчезнет.

Только она не исчезла, а, наоборот, усугубилась.

На четвертый месяц затворничества воплотились наихудшие опасения сестер: родители перестали отвечать на телефонные звонки. На имейлы они тоже не отвечали.

Мэлори хотела поехать на Верхний полуостров, но Шеннон отказалась.

– Нужно просто надеяться, что они живы-здоровы. Нужно надеяться, что у них отключили телефон. Мэлори, сейчас ездить вообще никуда не стоит, даже в магазин. Девятичасовая поездка – чистое самоубийство.

Проблема неизменно выливалась в самоубийство. В «Фокс-ньюс» слово использовалось так часто, что пришлось искать синонимы – самоуничтожение, самоистребление, ха-ракири. Один ведущий назвал печальный финал самоудалением, но такой вариант не прижился. В стране ввели комендантский час, советовали запирать двери, закрывать ок-

на ставнями и, самое главное, не выглядывать на улицу. По радио музыку почти полностью заменили обсуждением Проблемы.

«Полное затемнение, – думает Мэлори. – Внешний, окружающий нас мир тает во мраке».

Никто не знает ответов. Никто не понимает, в чем дело. Люди видят нечто, заставляющее причинять боль другим. Причинять боль себе.

Люди гибнут.

Но почему?

Мэлори пытается успокоиться мыслями о ребенке, растущем у нее в чреве. Она находит у себя все симптомы, описанные в книге «Счастлирое ожидание» – небольшие кровотечения, усталость, гиперчувствительность груди. «Еще перемены настроения», – добавляет Шеннон, хотя куда неприятнее меняющиеся пристрастия в еде. Сестры боятся ехать в магазин и питаются тем, что запасли вскоре после покупки теста на беременность. Но у Мэлори теперь другие вкусы. От простой еды ее воротит, вот она и пробует разные сочетания – апельсиновые брауни, цыпленка с коктейльным соусом, сырую рыбу на тосте. До чего же хочется мороженого! Всякий раз, глядя на входную дверь, Мэлори думает, что на машине легко доберется до магазина. И пятнадцати минут не потратит. Стоит шагнуть к двери, как по телевизору рассказывают об очередной трагедии. Вдруг персонал магазинов на рабочем месте не появляется?

– Как думаешь, что они видят? – спрашивает Мэлори сестру.

– Не знаю, Мэл. Не знаю.

Этот вопрос сестры задают друг другу постоянно. В Се-ти появилось бесчисленное множество теорий. Все страшно пугают Мэлори. Одна из них – душевное расстройство от радиоволн, излучаемых беспроводными устройствами. Ошибочный скачок в эволюции человечества – другая. Эзотери-сты считают, что дело в контакте людей с планетой, которая вот-вот взорвется, или с солнцем, которое вот-вот погаснет.

Некоторые полагают, что Землю наводнили какие-то тва-ри.

Правительство велит держать двери на замке.

Мэлори одна сидит на диване и, массируя себе живот, смотрит телевизор. Ничего позитивного не показывают, и Мэлори тревожит, что ее беспокойство передается ребенку. В «Счастливом ожидании» предупреждают, что такое быва-ет – ребенок чувствует эмоции матери. Только от телеэкра-на не оторваться. Они с Шеннон и компьютер не отключают. Негромко бормочет радио. Обстановка напоминает Мэлори военный штаб: они в центре рушащегося мира. Ощущения потрясающие. Становится по-настоящему страшно. Реклама исчезла. Ведущие новостей, не стыдясь, делают паузы, в пря-мом эфире показывая, как удивлены сообщениями, которые бесперебойно получают.

На фоне шума телевизора, компьютера и радио Мэлори

слышно, как на втором этаже возится Шеннон. Пока Гэбриэл Таунс, один из основных ведущих Си-эн-эн, беззвучно читает с листа, который ему принесли, над головой у Мэлори раздаётся глухой стук, и она замирает.

– Шеннон! – кричит она. – Ты там как?

Гэбриэл Таунс неважно выглядит. В последнее время он то и дело в эфире. Канал Си-эн-эн признал, что многие корреспонденты перестали появляться в студии. А Таунс там ночует. «Прорвемся вместе» – его новый девиз. Прическа Гэбриэла уже не безупречна, студийный грим минимален. Но еще поразительнее усталая апатия, с которой он читает новости. Гэбриэл кажется измученным.

– Шеннон, иди сюда! Похоже, Таунсу принесли что-то новенькое.

Ответа нет. На втором этаже тишина. Мэлори встает и убавляет громкость телевизора.

– Шеннон!

Гэбриэл Таунс негромко рассказывает про обезглавливание в Толедо. От Мэлори это не дальше восьмидесяти миль.

– Шеннон, что ты там делаешь?

Ответа нет. Таунс тихо вещает по телевизору. Нет ни сопровождающей графики, ни музыки, ни рекламных вставок.

Мэлори стоит в центре гостиной и смотрит на потолок. Потом уменьшает громкость телевизора, отключает радио и поднимается по лестнице.

У поручней Мэлори медленно поднимает глаза на устан-

ный ковром пролет. Свет не горит, но стену озаряют тонкие солнечные лучи. Мэлори сжимает поручень и ступает на ковер. Оглядывается на входную дверь и представляет себе мозаику из новостей, которые видела и слышала.

Мэлори поднимается по лестнице.

– Шеннон!

Мэлори уже в холле второго этажа. Идет по коридору и видит: из комнаты Шеннон льется солнечный свет. Она медленно подходит к двери заглядывает в комнату.

Часть окна оголилась. Уголок одеяла открепился и висит, как тряпка.

Мэлори быстро отводит глаза. В комнате тихо, только с первого этажа слышен ропот телевизора.

– Шеннон!

Ванная в конце коридора. Дверь открыта. Свет горит. Мэлори идет на свет, задерживает дыхание и заставляет себя посмотреть.

Шеннон лежит на полу, уставившись в потолок. Из груди торчат ножницы. Вокруг Шеннон целое море крови, растекающейся по напольной плитке. Неужели в человеческом теле столько крови?

Мэлори кричит, хватается за дверную раму и, рыдая, оседает на пол. Резкий свет ванной выявляет напоказ каждый штрих жуткой картины. Неподвижные глаза Шеннон. Рубашку, ушедшую в грудь вместе с лезвиями ножниц.

Мэлори подползает к унитазу, и ее выворачивает наизнан-

ку. Тело сестры так и липнет к ней. Она пробует привести Шеннон в чувство, но знает, что ничего не получится. Мэлори встает, разговаривает с Шеннон, сейчас, мол, сейчас тебе помогут. Потом вытирает кровь с рук и бежит вниз за телефоном. Телефон на диване. Она звонит в полицию. Никто не отвечает. Звонит снова. Никто не отвечает. Она звонит родителям. Никто не отвечает. Мэлори бежит к входной двери. Нужно вызвать подмогу. Она сжимает дверную ручку, а повернуть не может.

«По собственной воле Шеннон бы так не поступила, – думает Мэлори. – Господи, значит, это правда! Что-то и впрямь происходит».

То, что увидела Шеннон, совсем близко от дома. Лишь деревянная дверь отделяет Мэлори от того, что убило сестру. Но Шеннон это увидела.

За деревянной дверью воет ветер. Других звуков нет. Ни машин, ни соседей – только тишина.

Мэлори одна. Ей кто-то нужен – эта мысль озаряет с мучительной четкостью. Ей нужна безопасность. Нужно придумать, как выбраться из дома.

Перед глазами стоит Шеннон. Мэлори бежит на кухню, вытаскивает из-под раковины старые газеты и быстро-быстро перебирает. Дыхание сбилось, глаза вылезают из орбит – она просматривает самые последние страницы.

Вот эта газета!

Частное объявление. Ривербридж. Люди приглашают к се-

бе в дом всех желающих. Мэлори перечитывает объявление. Потом еще раз. Она падает на колени, сжав газету в руке.

До Ривербриджа двадцать минут езды. Шеннон увидела что-то за окном, и оно ее убило. Нужно обезопасить себя и ребенка.

Судорожные вдохи смывает безбрежная река горячих слез. Что же делать?! Мэлори в жизни не было так страшно. Внутри все горит, она словно в огне.

Мэлори рыдает навзрыд. «Шеннон увидела... Увидела что-то за окном», – повторяет она. Слезы застилают глаза, но Мэлори перечитывает объявление.

Слезы падают на газету.

Глава 6

- В чем дело, мальчик?
- Мама, ты слышала?
- Что именно? Ну, говори!
- Послушай.

Мэлори слушает. Перестает грести и слушает. Она слышит ветер. Она слышит реку. Она слышит пронзительный крик птиц в небесной выси и возню мелких зверьков среди деревьев. Она слышит собственное дыхание и бешеный стук сердца. За всеми этими звуками – внутри их – слышится другой, которого она тут же пугается.

Что-то плывет за ними по реке.

– Молчите! – шипит Мэлори.

Дети молчат. Мэлори кладет весла на согнутые колени и замирает.

Перед лодкой в воде есть что-то большое. Оно периодически выныривает и плещется.

Мэлори так старалась защитить детей от безумия, а вот к реалиям старого мира не подготовила. Например, к тому, что дикие звери могут вернуть себе реку, которую бросил человек. Лодка кренится влево. Мэлори чувствует, как что-то горячее касается борта, где лежат весла.

Птицы на деревьях затихают.

Мэлори не решается вздохнуть, думая о детях.

Что играет с носом лодки?

«Это какое-то существо? – паникует Мэлори. – Только бы не тварь! О господи, пусть это будет зверь!»

Мэлори знает, если дети снимут повязки, если закричат, теряя рассудок, она глаза не откроет. Лодка снова движется, хотя Мэлори не гребет. Она берется за весло, чтобы махнуть им, но слышит плеск: существо рассекает водную гладь и, судя по звукам, уплывает. У Мэлори аж дыхание сбивается. Слева от нее шуршат прибрежные кусты: похоже, существо выползло на берег.

Выползло или вышло?

Вдруг оно стоит на берегу? Вдруг смотрит на деревья и на ил у себя под ногами?

Такие мысли напоминают о Томе. Миляга Том дни напролет размышлял, как выжить среди ужасов нового мира. Эх, сюда бы его! Он определил бы, кто издает тот звук. «Это барibal», – уверяет себя Мэлори.

Птицы снова начинают петь. Лесная жизнь продолжается. – Вы молодцы, – потрясенно сипит Мэлори.

Она начинает грести. Шорох кусочков пазла, которые перебирает Девочка, сливается с ударами весел о воду.

Мэлори представляет, как плывут по реке ее дети в черных повязках, как солнце дразнит, распяляет им глаза. У самой Мэлори повязка сидит плотно, ткань влажная, возле ушей натирает. Порой Мэлори не обращает на это внимания, порой думает лишь о мерзкой царапающей материи. Перио-

дически Мэлори погружает пальцы в ледяную воду и смачивает повязку там, где трет. Над ушами. На переносице. Узел на затылке. Влажная ткань коже приятнее, но привыкнуть к ней все равно трудно. «От повязки устают глаза, даже ресницы устают», – думает Мэлори, работая веслами.

«Барибал», – снова говорит она себе. Только уверенности нет.

Подобные самоувещевания предшествуют любому поступку Мэлори уже четыре с половиной года, с тех пор, как она откликнулась на объявление и приехала в Ривербридж. Каждый услышанный ею шорох страшнее любого зверя.

– Вы молодцы, – хвалит детей дрожащая Мэлори. Хочется подбодрить их, но голос звенит от страха.

Глава 7

Ривербридж.

В этих краях Мэлори уже бывала. Несколько лет назад встречала здесь Новый год. Как звали девушку, которая устраивала вечеринку? Марси? Мэрибел? С ней дружила Шеннон, она и вела машину в тот вечер. На дороге была снежная каша, вдоль переулков высились грязные сугробы. Сосульки добавляли в коктейли. Кое-кто полуголым выскакивал на улицу и писал на снегу «2009». Сейчас середина июля, лето в разгаре. Машину ведет Мэлори. Испуганная, осиротевшая, убитая горем.

Поездка – сущее мучение. Скорость не больше пятнадцати миль в час – Мэлори лихорадочно высматривает другие машины и указатели. Она закрывает глаза, потом снова открывает, и это не останавливаясь.

На дорогах ни души. В домах, мимо которых проезжает Мэлори, окна завешаны одеялами или закрыты досками. Витрины пусты, стоянка торгового центра пуста. На дорогу смотреть, на дорогу! Мэлори следует маршруту, который маркером выделила на карте. Руки едва справляются с рулем, глаза болят от слез. Мэлори задыхается от чувства вины перед сестрой, которую она бросила на полу ванной. Мертвую бросила!

Она не похоронила Шеннон. Она просто уехала.

Ни до больниц, ни до похоронных бюро Мэлори не дозво-
нилась. Кое-как прикрыла сестру желто-синим шарфом, ко-
торый та любила.

Радио то работает, то нет. Ведущий говорит о войне. «Ес-
ли человечество объединится...» – начинает он, потом слы-
шен лишь треск. У обочины брошена машина. Дверцы рас-
пахнуты, рукав пиджака свисает с пассажирского сиденья на
асфальт. Мэлори спешно отводит взгляд, закрывает глаза,
потом смотрит на дорогу.

Радио оживает. Ведущий все еще говорит о войне. Мэло-
ри замечает, как справа что-то движется. Мэлори не смот-
рит, закрывает правый глаз. Впереди, прямо в центре трас-
сы, птица то опускается на что-то, то взлетает. Вблизи ста-
новится ясно, что птица кружит наддохлым псом. Мэлори
переезжает пса. Автомобиль подсакивает, она ударяется го-
ловой о крышу, чемодан гремит на заднем сиденье. Мэлори
трясется. Пес казался не простодохлым, а искореженным.
Она закрывает глаза, потом снова открывает.

Птица, возможно, та же самая, каркает с неба. Мэло-
ри проезжает Раундтри-стрит. Потом Боллем-стрит, потом
Хортон-стрит. Чувствует, что почти добралась. Слева что-то
проносится. Мэлори закрывает левый глаз, проезжает бро-
шенный почтовый фургон. Письма валяются на асфальте.
Птица летит слишком низко, едва не бьется о лобовое стек-
ло. Мэлори кричит, закрывает оба глаза, потом снова открыв-
вает. И тут замечает нужный указатель.

Шиллингем.

Она поворачивает направо, притормозив, сворачивает за угол на Шиллингем-лейн. С картой сверяться нет нужды. Номер дома, 273, Мэлори помнит с самого начала поездки.

Улица пуста, если не считать пары машин, припаркованных у дома справа. Район – обычная окраина. Дома кажутся одинаковыми. Лужайки заросли. Все окна завешены. Мэлори взволнованно смотрит на дом, у которого стоят машины. Она уверена, что ищет именно его.

Закрывает глаза и жмет на тормоз.

Машина останавливается. Мэлори тяжело дышит, перед мысленным взором – дом.

Гараж справа, его бежевая дверь заперта. Крыша из коричневого рубероида, кирпичные стены облицованы белым сайдингом. Передняя дверь темно-коричневая. Окна закрыты. В доме есть чердак.

Глаза по-прежнему закрыты. Мэлори собирается с духом и берет чемодан. Дом футах в пятидесяти от места, где она остановилась. Машина даже не у обочины. Мэлори понимает это, но ей все равно. Чтобы успокоиться, она делает вдох, глубокий и медленный. Чемодан рядом, на пассажирском сиденье. Мэлори прислушивается, не разлепляя век. С улицы не доносится ни звука. Мэлори открывает водительскую дверь, выходит на улицу и тянется за вещами.

Ребенок пинается.

Мэлори охает, неловко цепляется за чемодан и открыва-

ет глаза. Глядит на живот, кладет на него руки и осторожно гладит.

– Приехали, – шепчет она.

Мэлори берет чемодан и вслепую бредет к лужайке перед домом. Едва почувствовав под ногами траву, шагает быстрее. Натыкается на куст. Запястье и бедро колют иголки. Мэлори отступает, прислушивается и, опасливо ступив по направлению к входной двери, чувствует под ногами асфальт подъездной дорожки.

Мэлори не ошибается. С грохотом втаскивает чемодан на крыльцо, шарит по кирпичной стене, нащупывает звонок. Звонит.

Сперва никто не отвечает. У Мэлори возникает недоброе предчувствие, что это тупик. Неужели она напрасно рисковала и ехала в такую даль? Мэлори звонит еще раз. Потом еще раз. Потом еще. Ответа нет. Мэлори стучит, отчаянно барабанит в дверь.

Никто не отвечает.

А потом... потом Мэлори слышит приглушенные голоса. «Господи, там кто-то есть! В доме кто-то есть!»

– Эй! – зовет Мэлори и пугается собственного голоса в тишине пустой улицы. – Эй! Я прочла ваше объявление в газете!

Снова тишина. Мэлори ждет и вслушивается. Наконец ей отвечают.

– Кто вы? – интересуется мужчина. – Откуда приехали?

Мэлори во власти надежды и облегчения. Во власти слез.

– Меня зовут Мэлори. Я приехала из Уэсткорта!

После паузы другой мужчина спрашивает:

– У вас глаза закрыты?

– Да, закрыты.

– Давно закрыты?

«Да впустите же меня, – думает Мэлори. – Впустите!»

– Нет, – отвечает она. – То есть да. Я приехала из Уэсткорта. Глаза закрывала при любой возможности.

Мэлори слышит приглушенные голоса. Люди спорят, впускать ее или нет.

– Я ничего не видела! – уверяет она. – Честное слово! Я не опасна. Глаза у меня закрыты. Прошу вас, впустите меня! Я прочла объявление в газете.

– Не открывайте глаза, – наконец велит мужчина. – Сейчас дверь распахнется. Постарайтесь войти побыстрее, ясно?

– Ясно! Конечно, ясно.

Мэлори ждет. Воздух неподвижен, значит, ничего не происходит. Потом щелкает ключ в замке. Она тут же делает шаг вперед. Чужие руки затаскивают ее в дом. Дверь захлопывается.

– погоди, – говорит женщина. – Нам нужно тебя ощупать. Нужно удостовериться, что ты одна.

Мэлори стоит с закрытыми глазами и слушает. Судя по звукам, обитатели дома шарят по стенам метлой. Несколько человек касаются ее плеч, шеи, ног. Кто-то становится у нее

за спиной и барабанит пальцами по закрытой двери.

– Порядок, – говорит мужчина. – Мы закончили.

Мэлори открывает глаза и видит пятерых. Они стоят плечом к плечу. Толпятся в прихожей. Смотрят на Мэлори. Мэлори смотрит на них. У одного на голове шлем, на руках витки изоленды, переложенные ватными шариками. Из ленты торчат ручки, карандаши, другие острые предметы – похоже на рыцарские доспехи, которые смастерил ребенок.

У двоих в руках метлы.

– Привет, – говорит «рыцарь». – Меня зовут Том. Ты ведь понимаешь, с чего такая подозрительность? Мало ли кто может проскользнуть к нам вместе с тобой.

Из-под шлема торчат светло-русые волосы. Лицо у Тома волевое. Голубые глаза светятся умом. Он чуть выше Мэлори, небрит, щетина рыжеватая.

– Да, понимаю, – отзывается Мэлори.

– Уэсткорт, – повторяет Том, приближаясь к ней. – Оттуда путь неблизкий. Ты смелая, раз рискнула сюда приехать. Давай, присядь и расскажи нам, что видела по дороге.

Мэлори кивает, но с места не сдвигается. Чемодан она стискивает так, что пальцы белеют и начинают ныть. К ней подходит другой мужчина, куда крупнее Тома.

– Давай чемодан подержу, – предлагает он.

– Спасибо!

– Меня зовут Джулс. Живу здесь уже два месяца, как и большинство остальных. Только Том с Доном приехали чуть

раньше.

Темные волосы Джулса кажутся грязными, словно он долго работал на улице. Судя по внешности, человек он добрый.

Мэлори поочередно разглядывает жильцов. Перед ней четверо мужчин и женщина.

– Я Дон, – представляется один. Волосы у него тоже темные, но длиннее, чем у Джулса. Он в черных брюках и фиолетовой рубашке на пуговицах с закатанными до локтей рукавами. На вид он старше Мэлори, ему лет двадцать семь – двадцать восемь. – Ты перепугала нас до чертиков. К нам никто неделями не стучался.

– Извините...

– Ничего страшного, – говорит четвертый мужчина. – Каждый из нас в свое время сделал то же самое. Меня зовут Феликс.

У Феликса усталый вид. Мэлори он кажется молодым, ему двадцать один – двадцать два. Длинный нос и пышные каштановые волосы делают его наружность почти карикатурной. Он высокий, как Джулс, но худой.

– А я Шерил, – говорит женщина, протягивает руку, и Мэлори ее пожимает.

Шерил менее приветлива, чем Том и Феликс. У нее каштановые волосы, ниспадающие на лицо. Она в майке. Кажется, ее тоже оторвали от работы.

– Джулс, помоги! – просит Том. Он пытается снять шлем, но импровизированные доспехи мешают.

Джулс помогает.

Наконец шлем снят. Мэлори снова оглядывает Тома: светло-русые волосы спутались, бледные веснушки оживляют лицо. На бороду пока один намек, а вот усы посерьезнее. Клетчатой рубашкой и коричневыми слаксами Том напоминает Мэлори ее бывшего учителя.

Мэлори разглядывает Тома, не замечая, что Том разглядывает ею живот.

– Только не обижайся, но ты беременна?

– Да, – тихо отвечает Мэлори, испугавшись, что это создаст проблемы.

– Мать твою, что за сюр?! – восклицает Шерил.

– Шерил, не пугай ее, – говорит Том.

– Слушай, как бишь тебя, Мэлори? – не унимается Шерил. – Не сочти за стервозность, но взять в дом беременную – колоссальная ответственность.

Мэлори молча обводит взглядом обитателей дома, подмечая выражение их лиц. Они наблюдают за ней, решают, готовы ли приютить потенциальную роженицу. Мэлори вдруг понимает, что не думала о будущем с такой стороны. По дороге сюда у нее не возникало мыслей о том, что в Ривербридже она будет рожать.

На глаза наворачиваются слезы.

Злости как не бывало – Шерил качает головой и подходит к Мэлори.

– Господи, – бормочет она, – ну иди сюда, иди!

– Раньше я жила с сестрой, Шеннон, – говорил Мэлори. – Она погибла. Я ее бросила...

Теперь она рыдает навзрыд, но сквозь слезы ловит взгляды четырех мужчин. В глазах у них сострадание. Мэлори тут же чувствует, что у каждого из них свое горе.

– Пошли, я покажу тебе дом, – предлагает Том. – Можешь занять комнату на втором этаже. Я буду спать внизу.

– Нет, я не хочу отнимать комнату у кого-то из вас, – отказывается Мэлори.

– Я настаиваю, – заявляет Том. – Спальня Шерил на втором этаже в конце коридора. Феликс живет в смежной комнате с той, где поселишься ты. Мэлори, ты же беременна. Мы устроим тебя со всеми удобствами.

Мэлори ведут по коридору. Слева жилая комната, потом ванная. Мэлори видит свое отражение в зеркале и быстро отводит глаза. Дальше кухня. На разделочном столе большие ведра.

– Вот гостиная, – показывает Том. – Мы здесь частенько собираемся.

Перед Мэлори комната побольше. В ней диван, приставной столик с телефоном, лампы, кресло, ковер. На стене картины в рамах, между ними календарь, нарисованный маркером. Окна завешаны черными одеялами.

В гостиную заходит пес – бордер-колли, – с любопытством смотрит на Мэлори, потом встает ей на ногу и ждет, чтобы погладила.

– Это Виктор, – говорит Джулс. – Ему шесть лет. Я взял его щенком.

Мэлори гладит Виктора. Шеннон он понравился бы.

Джулс выходит из гостиной с чемоданом Мэлори и поднимается по устланной ковром лестнице. И тут на стенах картины и фотографии. Джулс заносит чемодан в комнату на втором этаже. Даже снизу Мэлори видит окно, завешенное одеялом.

Шерил ведет ее к дивану. Мэлори усаживается, измученная горем и потрясениями. Шерил с Доном обещают приготовить еду.

– У нас консервы, – поясняет Феликс. – Запаслись мы в день, когда я сюда приехал. Незадолго до первого инцидента на Верхнем полуострове. Продавец подумал, что мы свихнулись. Мы закупили столько, что еще месяца на три хватит.

– Уже не на три, – уточняет Дон, исчезая в кухне.

«Он имел в виду, что появился лишний рот, то есть я?» – гадают Мэлори.

Том усаживается рядом с ней и спрашивает, что она видела по дороге. Его интересует любая мелочь, любой новый факт, а Мэлори кажется, что она помнит сплошную ерунду. Мэлори рассказывает про почтовый фургон. Про дохлого пса. Про пустые витрины и улицы, про брошенную машину и рукав пиджака.

– Я должен кое-что тебе объяснить, – говорит Том. – Во-первых, этот дом не принадлежит никому из нас. Хозяин по-

гиб, подробности потом. Интернета нет – не было с тех пор, как мы сюда приехали. Мы думаем, вышки сотовой связи больше не обслуживаются. Персонал не выходит на работу. Или погиб. Письма не доставляют. Газеты тоже. Ты сотовый свой проверяла? Наши отключились недели три назад. Зато, хочешь верь, хочешь нет, работает стационарный телефон. Только я не знаю, кому звонить.

Шерил приносит стакан воды, тарелку с морковью и зеленым горошком.

– Стационарный телефон работает, – повторяет Том. – И свет есть. Местная электростанция использует гидроэнергию. Не знаю, может, и электричество однажды отключится, но если шлюзы оставили закрытыми, турбины будут крутиться бесконечно. Иными словами, электричеством дом снабжает река. Ты в курсе, что тут рядом река? Если не случится ничего катастрофического, пока течет река, у нас все будет в порядке. Возможно, мы выживем. Я прошу слишком много? Да, пожалуй. Когда выходим к колодцу за водой – именно колодезной водой мы пользуемся, – слышен шум реки. Она ярдах в восьмидесяти от дома. Водопровод не работает, отключился вскоре после моего приезда. В ванной мы пользуемся ведрами, помой по очереди выливаем в ямы, которые вырыли в лесу. Разумеется, все это нужно делать вслепую.

Джулс спускается вниз, пес Виктор следом.

– Все готово, – объявляет он, кивая Мэлори.

– Спасибо, – тихо отвечает она.

Том показывает на картонную коробку на столике у стены.

– Повязки там. Надевай любую, когда понадобится.

Все смотрят на нее. Дон у входа на кухню. Феликс у завешенного окна. Джулс на лестнице, стоит на корточках рядом с Виктором. Шерил сидит на подлокотнике кресла. «Каждому есть о чем горевать, – думает Мэлори. – Они пострадали не меньше, чем я».

Мэлори пьет воду из стакана, который принесла Шерил, и поворачивается к Тому. В голову лезут мысли о Шеннон, но она борется с ними и устало заговаривает с Томом.

– Что за костюм был на тебе, когда я приехала?

– Доспехи?

– Ага.

– Сам еще не знаю, – с улыбкой отвечает Том. – Хочу смастерить защитный костюм. Думать нужно не только о глазах. Неизвестно ведь, что случится, если тварь тебя коснется.

Мэлори смотрит на других, потом снова на Тома.

– Вы верите в тварей?

– Верим, – отвечает Том. – Джордж, бывший хозяин дома, видел одну. Незадолго до своей гибели.

Мэлори не знает, что сказать, и машинально кладет руку на живот.

– Я не пытаюсь тебя напугать и скоро расскажу тебе о Джордже, – говорит Том. – Только ведь по радио твердили то же самое. По-моему, сейчас есть единое мнение на этот

счет. Нас уничтожают живые существа. Достаточно увидеть одно – на секунду, а то и меньше, – и все, конец.

В гостиной словно потемнело. У Мэлори кружится голова, перед глазами плывет.

– Кем или чем бы ни были эти твари, человеческим умом их не понять. Они, как бесконечность, чересчур сложные, для нас недостижимые, так ведь?

Мэлори не улавливает слов Тома. У ног Джулса шумно дышит Виктор. Шерил спрашивает, как Мэлори себя чувствует. Том до сих пор говорит.

«Твари... бесконечность... у человеческого разума есть предел, Мэлори... эти существа... они за пределом... недостижимы... недостижимы...»

Тут Мэлори теряет сознание.

Глава 8

Просыпается Мэлори в новой спальне. Вокруг темно. На один чудесный миг новости о тварях и безумии кажутся ей страшным сном. Мэлори с трудом вспоминает Ривербридж, Тома, Виктора, поездку, но полной ясности нет, пока она не поднимает глаза к потолку. Тогда Мэлори осознает, что в этой комнате прежде не просыпалась.

А Шеннон мертва.

Мэлори медленно садится и смотрит на окно, единственное в комнате. Черное одеяло, прибитое к стене, защищает от внешнего мира. За кроватью старое трюмо. Изначально розовое, оно поблекло от времени, но зеркало чистое. В нем Мэлори бледнее обычного. Из-за этого ее черные волосы кажутся еще чернее. У основания зеркала горсть гвоздей, молоток, гаечный ключ. Кровать, трюмо – вот и вся мебель.

Мэлори свешивает ноги с края матраса и на полу, застланном серым ковром, видит второе одеяло, черное, аккуратно свернутое. «Запасное», – думает она. Еще есть небольшая стопка книг.

Мэлори смотрит на дверь и слышит голоса, доносящиеся с первого этажа. Новых соседей она пока не знает и на слух может отличить лишь Шерил, единственную женщину, и Тома, чей голос останется с ней на долгие годы.

Мэлори встает. Ковер под ногами старый и жесткий. Она

идет к двери и выглядывает в коридор. Мэлори отдохнула и чувствует себя неплохо. Голова больше не кружится. На Мэлори та же одежда, в которой она потеряла сознание накануне вечером. Она спускается по лестнице в гостиную.

Деревянная дверь совсем близко. Мимо проходит Джулс со стопкой грязных вещей.

– Привет! – говорит он, кивая, и спешит по коридору в ванную. Потом слышится плеск: Джулс бросает белье в ведро с водой.

Мэлори поворачивает к кухне. Дон и Шерил стоят у раковины. Дон зачерпывает воду из ведра. Шерил слышит шаги и оборачивается.

– Вчера ты нас напугала, – говорит она. – Как ты сейчас, получше?

Мэлори вспоминает, что накануне потеряла сознание, и краснеет.

– Да, сейчас получше. Вчера был непростой день.

– Каждый из нас прошел через подобное, – говорит Дон. – Ничего, привыкнешь. Скоро здешняя жизнь малиной покажется.

– Дон – циник, – добродушно поясняет Шерил.

– На самом деле нет, – заявляет Дон. – Мне здесь нравится.

Мэлори подсакивает: Виктор лизнул ей руку. Она тянется его погладить и слышит музыку из столовой. Мэлори пересекает кухню и заглядывает в столовую. Там ни души, про-

сто радио работает.

Мэлори снова смотрит на Шерил и Дона. Они у раковины, чуть дальше дверь подвала. Мэлори собирается спросить про подвал, когда слышит голос Феликса. Он в гостиной, громко называет адрес дома.

«...Шиллингом, двести семьдесят три. Меня зовут Феликс. Мы ищем... выживших...»

Мэлори заглядывает в гостиную. Феликс разговаривает по стационарному телефону.

– Он наугад звонит.

Мэлори опять подскакивает, на сей раз от голоса Тома, который вместе с ней заглядывает в гостиную.

– Здесь нет телефонного справочника?

– Нет, как ни досадно.

Феликс набирает другой номер.

– Хочешь спуститься со мной в подвал? – спрашивает Том, сжимая листок бумаги и карандаш.

Мэлори идет за ним через кухню.

– Решил запасы проверить? – интересуется Дон, когда Том открывает дверь подвала.

– Угу.

– Скажешь мне потом, сколько чего осталось?

– Конечно.

Том входит первым. Мэлори спускается за ним по деревянным ступеням. Пол в подвале земляной. Во мраке Мэлори вдыхает запах сырой земли и чувствует ее босыми ногами.

Неожиданно включается свет – это Том потянул за веревку у лампочки. Зрелище пугающее: перед Мэлори не подвал, а настоящий склад. Бесконечные деревянные стеллажи заставлены консервами. От потолка до земляного пола это место напоминает бункер.

– Это все Джордж устроил, – говорит Том, показывая на стеллажи. – Он в самом деле время опередил.

Слева от Мэлори занавес из прозрачной ткани, освещенный лишь частично. За ним стиральная машина и сушилка.

– Кажется, еды много, – говорит Том, показывая на банки. – На самом деле нет. Дон больше всех беспокоится о том, сколько у нас осталось.

– Как часто ревизию проводите? – спрашивает Мэлори.

– Раз в неделю. А если я теряю покой, то спускаюсь сюда и считаю банки через день после плановой ревизии.

– Здесь прохладно.

– Угу. Классический холодный погреб. Идеальные условия.

– А если консервы кончатся?

Том поворачивается к Мэлори. В свете лампы лицо у него такое доброе!

– Раздобудем еще. Наведаемся в продуктовые. В другие дома. Уж как получился.

– Да, верно, – кивает Мэлори.

Пока Том делает отметки, она осматривает подвал.

– По-моему, это место – самое безопасное в доме, – гово-

рит она.

Том отрывается от записей и обдумывает ее слова.

– А по-моему, чердак безопаснее.

– Почему?

– Ты обратила внимание на замок на подвальной двери?

Дверь старая. Запирается, но старая. Можно подумать, сначала построили подвал, потом, много лет спустя, добавили к нему дом. А вот чердачная дверь... На ней замок выдающийся. Если понадобится обороняться, если одна из тварей проберется в дом, я позову всех на чердак.

Мэлори машинально возводит глаза к потолку и обнимает себя за плечи.

Если понадобится обороняться...

– Судя по тому, что осталось, мы продержимся еще месяца три-четыре, – объявляет Том. – Кажется, много, только время здесь летит. Дни сливаются. Поэтому мы и завели календарь на стене гостиной. Впрочем, счет дней уже не важен, но календарь помогает связать нынешнюю жизнь с прежней.

– Возможностью следить за ходом времени?

– Да, и тем, как мы его проводим.

Мэлори садится на невысокую табуретку. Том продолжает что-то записывать.

– Когда закончим здесь, я покажу тебе, что и как мы делаем по хозяйству, – обещает Том и показывает куда-то между полками и занавесом. – Видишь, что там?

Мэлори поднимает глаза, но не понимает, о чем речь.

– Иди сюда!

Том ведет ее к стене, туда, где сломана кладка. За кирпичами видна земля.

– Даже не знаю, пугает меня это или радует.

– В каком смысле?

– Земля голая. Значит ли это, что мы можем начать рыть? Строить туннель? Второй подвал? Еще просторнее? Или это другой путь на улицу?

Глаза Тома ярко блестят в свете лампы.

– Понимаешь, если твари захотят прорваться в дом... Они прорвутся. Если бы хотели, наверное, уже прорвались бы.

Мэлори смотрит на брешь в стене и представляет, как беременная станет рыть туннели. И червей представляет.

– Чем ты занимался, пока все это не началось? – спрашивает она после небольшой паузы.

– Чем занимался? Учительствовал. Восьмиклассников учил.

– Так я и думала, – кивает Мэлори.

– Знаешь, мне это многие говорят. Очень многие! И мне нравится. – Том поправляет воображаемый воротничок. – Сегодня, дети, я расскажу вам правду о консервах. Так что закройте рты, мать вашу!

Мэлори хохочет.

– А ты чем занималась?

– Поработать я не успела, – отвечает Мэлори.

– Ты ведь сестру потеряла? – осторожно спрашивает Том.

– Да.

– Сочувствую, – говорит он и добавляет: – Я потерял дочь.

– О господи!

Том делает паузу, словно решая, рассказывать ли Мэлори подробности.

– Мать Робин умерла при родах, – начинает он. – Жестоко такое тебе говорить, ты ведь в положении. Но если нам с тобой знакомиться по-настоящему, ты должна услышать эту историю. Робин была чудесной девочкой, в восемь лет куда умнее своего отца. Любила разные странности. К примеру, инструкции к игрушкам обожала намного больше самих игрушек, а титры к фильмам – больше самих фильмов. Любила читать, даже выражение моего лица читала. Однажды заявила, что из-за волос я похож на солнце. «В смысле, сияю как солнце?» – спросил я. «Нет, папочка, ты сияешь как луна, когда на улице темно». Когда посыпались сообщения, а люди начали воспринимать их всерьез, я, как многие родители, решил не поддаваться страху. Отчаянно старался поддерживать привычный ритм жизни. Особенно хотелось, чтобы это прочувствовала Робин. В школе она, конечно, слышала разговоры, только я не желал, чтобы моя девочка боялась. Со временем притворяться стало невозможно. Вскоре родители начали забирать детей из школы. Потом сама школа закрылась. Временно. Точнее, пока мы не убедим родителей, что в школе безопасно. Смутное было время, Мэлори. Я ведь тоже учитель... Моя школа закрылась примерно в то же вре-

мя. Так мы с дочкой оказались дома, наедине друг с другом. Я понял, что Робин выросла. Она мыслила почти как взрослая. Только разве восьмилетка поймет сообщения, которыми пестрят новости? Я пытался не скрывать их от нее, но родительские чувства брали свое, и порой приходилось переключать станции. Радио доконало Робин. По ночам ей стали сниться кошмары. Я подолгу успокаивал дочку и постоянно чувствовал, что лгу. Мы договорились больше не смотреть в окна. Мы договорились, что без моего разрешения на улицу Робин ни ногой. Порой я внушал, что ей ничего не грозит, но при этом существует огромная опасность. Робин стала спать на моей кровати, но однажды утром я проснулся и дочку не увидел. Накануне она говорила, что скучает по прежней жизни. Что скучает по маме, которую никогда не видела. Робин, восьмилетняя девочка, потрясла меня, посетовав, что жизнь несправедлива. Не увидев дочь рядом с собой, я решил, что она привыкает. К новой жизни привыкает. Боюсь, накануне вечером моя дочь утратила детскую наивность и раньше меня поняла, что творится за пределами нашего дома. – Том замолкает и смотрит на пол. – Я нашел дочь в ванне, Мэлори. В воде. Запястья Робин исполосовала себе бритвой, которой я при ней брился тысячи раз. Вода покраснела. Кровь испачкала стены. Кровь капала с бортиков ванны. И это ребенок. Восьмилетка. Она на улицу выглянула? Или сама на такое решилась? Ответ я не узнаю никогда.

Мэлори обнимает Тома.

Он не плачет. Подходит к стеллажам и снова берется за записи.

Мэлори думает о Шеннон. Она тоже погибла в ванной. Она тоже покончила с собой.

Том заканчивает ревизию и спрашивает, готова ли Мэлори идти наверх. Он тянется к веревке у лампочки и замечает, что Мэлори смотрит на брешь в стене.

– Жутко, да? – спрашивает он.

– Угу.

– А ты борись с собой. Это же предрассудки, одна из старейших фобий.

– О чем ты?

– О страхе перед подвалами.

Мэлори кивает.

Том дергает за веревку, и свет гаснет.

Глава 9

«Твари, – думает Мэлори. – Что за тупое слово!» Дети молчат, на берегах тихо. Слышно, как весла рассекают воду, двигаются в такт ударам сердца Мэлори. Когда синхронность нарушается, Мэлори словно умирает.

Твари...

Мэлори это слово никогда не нравилось. Она не считала тварями тех, кто преследовал ее четыре с лишним года. Тварь – это слизняк в саду. Или дикобраз. С теми, кто рыскает за опущенными шторами и заставляет ее жить вслепую, экстерминатору не справиться.

«“Варвары” тоже неверно. Варвары грубые, отчаянные. И дикари тоже». Весла рассекают воду, каждый гребок отдается в плечо.

«“Мастодонт” – это пальцем в небо. Вдруг они крошечные?»

Путешествие в самом начале, а у Мэлори от гребли ноют мышцы. Рубашка намочла от пота. Ноги замерзли. Повязка продолжает натирать.

«Демоны? Бести? Вариантов сколько угодно».

Шеннон рассталась с жизнью, увидев одного или одну из них. Родителей наверняка постигла та же участь.

«“Черти” – слишком мягко. “Звери” – опять пальцем в небо».

Мэлори и пугают, и завораживают те, кто преследуют лодку по реке.

«Они хоть понимают, что делают? Они нарочно?»

Сейчас ей кажется, что планета вымерла, что лодка – последнее сосредоточение жизни. С каждым гребком мир раскрывается за носом лодки: пустой шар, туманный, безлюдный.

«Если они не понимают, что творят, то злодеями считаться не могут».

Дети давно молчат. В небе поет еще одна птица. В воде плещется рыба. Мэлори никогда не видела эту реку. Какая она? По берегам растут деревья? Может, там и дома стоят?

«Они чудища, – думает Мэлори, но понимает, что дело не только в этом. – Они бесконечность».

– Мама! – вдруг кричит Мальчик.

Громкое карканье хищной птицы эхом разносится по реке.

– В чем дело, Мальчик?

– Кажется, я слышу мотор.

– Что?

Мэлори бросает весла и прислушивается.

Издали, почти заглушаемый плеском воды, доносится рев мотора. Мэлори тотчас его узнает. Вместо радостного предвкушения встречи с другим человеком ее одолевает страх.

– Пригнитесь оба! – велит Мэлори и откладывает весла.

Лодка плывет по течению.

«Мальчик услышал мотор, – беззвучно говорит себе Мэлори. – Он услышал мотор, потому что ты правильно его воспитала. Теперь уши у него намного чувствительнее глаз».

Она глубоко вдыхает и ждет. Шум мотора приближается. Та лодка идет вверх по реке.

– Ой! – взвизгивает Мальчик.

– В чем дело?

– Ухо болит! Я о дерево ударился.

Мэлори думает, что это хорошо. Раз Мальчик задел дерево, значит, они у берега. Немного удачи они заслужили. Вдруг она им улыбнется и листва их спрячет?

Другая лодка теперь куда ближе. Мэлори ее увидела бы, не будь повязки.

– Не снимайте повязки, – говорит она детям.

Шум мотора нагоняет их лодку, но не удаляется.

«Тот, кто на той лодке, нас видит», – думает Мэлори.

Мотор резко глохнет. В воздухе пахнет бензином. Гулкие шаги доносятся, очевидно, с палубы.

– Эй! – кричат с лодки.

Мэлори не отвечает.

– Эй, не бойтесь! Можете снять повязки! Я обычный человек!

– Повязки не снимать! – тотчас говорит Мэлори детям.

– Мисс, ничего страшного нет, поверьте. Мы с вами одни.

Мэлори замирает. Потом чувствует, что выбора нет, и от-

вечает незнакомцу:

– Откуда такая уверенность?

– Мисс, я сейчас без повязки. Так я провел на реке весь сегодняшний день. И вчерашний тоже.

– Без повязки нельзя, – парирует Мэлори. – Вы прекрасно это знаете.

Незнакомец хохочет.

– Бояться нечего, – твердит он. – Можете мне поверить. На реке мы с вами одни. Случайно встретились, только и всего.

– Нет! – кричит Мэлори детям, отталкивает Девочку и снова берется за весла.

Мужчина вздыхает.

– Мисс, ну зачем так жить? Подумайте о детях! Неужели вы лишите их шанса полюбоваться таким прекрасным днем?

– Не приближайтесь к нашей лодке, – категорично говорит Мэлори.

Молчание. Мужчина не отвечает. Мэлори собирается с духом. Ей кажется, что она в западне. Она беззащитна в уютной лодчонке, прижатой берегу. Беззащитна на этой реке. Беззащитна в этом мире.

В воде что-то плещется. Мэлори испуганно охает.

– Мисс, речной пейзаж прекрасен, если вы не против легкого тумана. Когда вы в последний раз выглядывали на улицу? Несколько лет назад? Вы реку-то видели? В погожий день? Вы небось уже забыли, что такое погода.

Мэлори прекрасно помнит внешний мир. Помнит, как школьницей возвращалась домой по туннелю из осенних листьев. Помнит соседские дворы, сады, дома. Помнит, как вместе с Шеннон валялась на траве за домом, рассматривала облака и решала, на кого из одноклассников они похожи.

– Мы повязки не снимем, – заявляет Мэлори.

– А я с ними покончил, мисс, – говорит незнакомец. – Я просто живу дальше и вам советую, попробуйте?

– Оставьте нас в покое! – велит Мэлори.

Мужчина снова вздыхает.

– Они не могут преследовать вас вечно, – говорит мужчина. – И жить так вас вечно не заставят. Вы в курсе, мисс?

Мэлори тянется правым веслом, чтобы оттолкнуться от берега. Точнее, она надеется, что сумеет оттолкнуться.

– Сейчас я сниму вам повязки, – неожиданно говорит мужчина.

Мэлори замирает.

Голос у него звучит грубовато, даже зло.

– Вот ведь, двое на реке встретились, – не унимается мужчина. – Четверо, если считать малышей. Они-то не виноваты в том, как вы их растите. Мне одному хватает пороху смотреть на мир. А вы живете в страхе, вы боитесь постоянно, то больше, то меньше.

Теперь голос доносится из другого места. «Наверное, в нос лодки перебрался», – думает Мэлори. Ей бы только протиснуться мимо него. Ей бы только уплыть подальше от бро-

шенного утром дома.

– Только представьте себе, я их видел! – Голос мужчины звучит пугающе близко.

Мэлори хватает Мальчика за шиворот и тянет к себе. Малыш стучается о стальное днище лодки и вскрикивает от боли.

Мужчина смеется.

– Они вовсе не ужасные, мисс.

Мэлори снова отталкивается от берега, отчаянно молотит веслом, ищет что-нибудь твердое, а попадаются корни и ветки. Ил.

«Сейчас он сойдет с ума, – думает Мэлори. – И на всех нас набросится».

– Куда вы направляетесь? – орет мужчина. – Будете вопить каждый раз, когда ветка хрустнет?

Мэлори не удается оттолкнуть лодку от берега.

– Не снимайте повязки! – кричит она детям.

Мужчина якобы видел тварь. Где? Когда?

– По-вашему, я свихнулся, да?

Наконец весло упирается в твердую землю. Мэлори, кряхтя, отталкивается. Лодка двигается. Мэлори думает, что прорвется, потом с силой врезается в лодку незнакомца и визжит.

«Он заманил тебя в ловушку».

Неужели он сорвет с них повязки?

– Эй, кто здесь ненормальный? На себя взгляните! Двое

встречаются на реке...

Мэлори раскачивается взад-вперед. За лодкой она чувствует брешь, неверную тень шанса.

– ...один смотрит на небеса...

Мэлори ощущает, как весло вонзается в землю.

– ...другой управляет лодкой с завязанными глазами.

Лодка почти протиснулась.

– Вот я и спрашиваю себя...

– Ну, давай! – кричит Мэлори.

– ...кто здесь свихнулся?

Мужчина хохочет. Кажется, что его смех улетает на небеса, о которых он говорил. Мэлори хочется спросить, где он видел тварь, но она не спрашивает.

– Оставьте нас в покое! – кричит она.

Мэлори работает веслами так, что в лодку попадает холодная речная вода. Девочка взвизгивает. «Спроси, где он видел тварей», – беззвучно говорит себе Мэлори. Вдруг безумие его еще не одолело? Вдруг у этого мужчины оно развивается медленнее? Вдруг он совершит еще один добродетельный поступок, прежде чем окончательно утратить связь с реальностью?

Лодка вырывается из тисков.

Том однажды сказал, что каждый теряет рассудок по-своему. Мол, сумасшедший безумнее уже не станет, а здравомыслящий теряет рассудок не в одночасье.

– Откройте глаза, Христа ради! – вопит мужчина.

Голос изменился и теперь звучит, как у пьяного.

– Не убегайте, мисс! Откройте глаза! – умоляет он.

– Не слушайте его! – орет Мэлори.

Мальчик прижался к ней. Девочка хнычет у нее за спиной.

Саму Мэлори колотит.

– Дети, ваша мама сошла с ума. Снимайте повязки!

Мужчина вдруг начинает выть и клохтать. Звуки такие, будто в горле у него что-то умерло. Сколько времени осталось до того, как он задушит себя веревкой или сунет голову в гребной винт лодочного мотора?

Мэлори гребет изо всех сил. Повязка у нее сидит недостаточно туго.

«То, что он видел, близко. То, что он видел, – здесь, на реке».

– Не снимайте повязки! – снова кричит Мэлори и гребет мимо лодки незнакомца. – Вам ясно? Отвечайте!

– Да, мама, – говорит Мальчик.

– Да, – вторит ему Девочка.

Мужчина снова воет, но он уже дальше от лодки Мэлори. Кажется, он хочет крикнуть, но забыл как.

Когда их лодка проплывает ярдов сорок, и гул мотора почти стихает, Мэлори касается плеча Мальчика.

– Не волнуйся, мама, – говорит Мальчик.

Мэлори ошупью находит руку Девочки и сжимает. Потом отпускает обоих детей и снова берется за весла.

– Тебя обрызгало? – спрашивает она Девочку.

– Да, – отвечает та.

– Вытрись одеялом, сейчас же!

Воздух снова пахнет чистотой. Водой. Деревьями.

Пары бензина остались далеко позади.

«Помнишь, как пахло в доме?» – беззвучно спрашивает себя Мэлори.

Даже ужасная встреча с незнакомцем в лодке не может вычеркнуть из памяти спертую духоту дома. Так было и в день приезда Мэлори, и сегодня утром.

У Мэлори нет ненависти к мужчине в лодке. Только жалость.

– Вы большие молодцы! – хвалит Мэлори детей и, дрожа, гребет дальше.

Глава 10

Мэлори живет в доме уже две недели. Она и ее соседи питаются консервами из подвала и мясом из морозильной камеры. Каждое утро, просыпаясь, Мэлори радуется тому, что электричество еще не отключилось. Новости теперь поступают лишь по радио, только Родни Барретту, последнему диджею, сообщить нечего. Вот он и болтает всякую ерунду. Злится. Сквернословит. Соседи Мэлори утверждают, что он уже засыпбл в прямом эфире. Тем не менее радио они слушают, и Мэлори понимает почему. Тихонько ли бормочет Барретт или на всю столовую, где стоит приемник, диджей – последняя ниточка, соединяющая их с внешним миром.

Мэлори чувствует себя затворницей. Невероятная клаустрофобия давит на нее и на малыша.

Впрочем, сегодня у обитателей дома вечеринка. Все шестеро собрались за обеденным столом. Помимо консервов, туалетной бумаги, батареек, свечей, одеял и инструментов в подвале нашлось несколько бутылок рома, который прекрасно дополняет травку от Феликса (он смущенно признался, что ожидал встретить в доме хиппи, а наткнулся на совершенно «правильную» компанию). Мэлори единственная, кто не курит и не пьет: ей-то нельзя терять голову. Только настроение соседей действует и на нее, да еще Родни Барретт в кои веки поставил музыку. Поэтому Мэлори улыбается, а

то и смеется, вопреки непостижимым ужасам, которые стали обыденностью.

В столовой есть пианино. Как и юмористические романы, составленные стопкой у трюмо в ее комнате, оно кажется обломком другой жизни, ныне почти неуместным.

Сегодня на пианино играет Том.

– В каком ключе мелодия? – орет вспотевший Том Феликсу через всю столовую. – Ты про тональность знаешь? Ноты знаешь?

Феликс улыбается и качает головой.

– Нет, Том, откуда мне знать, черт подери? Но я с удовольствием тебе подпою.

– А вот этого не надо, – с улыбкой просит Дон, потягивая ром из стакана.

– Не, пою я классно! – уверяет Феликс, ослабившись.

Феликс встает, спотыкается и бредет к пианино. Вместе с Томом они поют «Ди-Лавли». Приемник стоит на комодe с зеркалом. Музыка, которую завел Родни Барретт, диссонирует с хитом Коула Портера.

– Эй, Мэлори, как ты? – спрашивает Дон, сидящий за столом напротив Мэлори. – Как тебе здесь? Пока нравится?

– Все нормально, – отвечает Мэлори. – Я о ребенке много думаю.

Дон улыбается, но улыбка у него грустная. Мэлори знает, что он тоже потерял сестру. Каждый из обитателей дома пережил ужасную потерю. Родители Шерил в панике уехали на

юг, с тех пор от них ни слуху ни духу. Феликс, когда звонит наугад, всегда надеется на весточку о братьях. Джулс часто рассказывает о Сидни, своей невесте, которую нашел в канаве неподалеку от дома, прежде чем ответил на то же объявление, что и Мэлори. Горло у Сидни было перерезано. Но самой страшной Мэлори кажется история Тома. Если слово «страшный» еще не обесценилось окончательно.

Сейчас Мэлори слушает, как он играет на пианино, и у нее сердце разрывается от жалости.

Вот «Ди-Лавли» заканчивается, и снова слышно одно радио. Песня, которую поставил Родни Барретт, тоже заканчивается, и диджей начинает говорить.

– Слушайте, слушайте! – восклицает Шерил и подходит к комоду, где стоит приемник. – Голос у Барретта унылее обычного.

Том не обращает внимания на радио – попивает ром, потеет, коряво играет начальные аккорды «Я ощущаю ритм» Джорджа Гершвина. Дон поворачивается к приемнику удостовериться, права ли Шерил. Джулс сидел у стены и гладил Виктора, а тут тоже поворачивается на звук.

«Твари, что вы у нас забрали? – начинает Родни Барретт, растягивая слова. – Что вы здесь делаете? У вас хоть цель есть?»

Дон встает из-за стола и подходит к Шерил. Том отрывается от клавиш.

– Впервые слышу, чтобы он напрямую обращался к тва-

рям, – говорит он с табуретки у пианино.

«Мы теряли матерей и отцов, сестер и братьев, – продолжает Родни Барретт. – Мы теряли мужей и жен, друзей и любовников. Но хуже всего отдавать вам детей. Как вы смеее заставлять детей смотреть на вас?»

Мэлори наблюдает за Томом. Тот слушает с отсутствующим видом. Мэлори подходит к нему.

– Барретта и раньше заносило, – говорит Шерил. – Но такого не припомню.

– Я тоже, – отзывается Дон. – Послушать, так он пьянее нас.

– Том! – зовет Мэлори, усаживаясь на скамейку рядом с ним.

– Сейчас он покончит с собой, – вдруг предрекает Дон.

Мэлори поднимает голову – хочет, чтобы Дон заткнулся, – и слышит то же самое. Голос Родни Барретта пропитан черным отчаяньем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.